

Егор Винокуров

МАЛЬЧИК

И

САЛО ВЕЙ

Егор Винокуров

**Мальчик и САЛЮвей. Столкнулись
старые враги и новые друзья**

«Издательские решения»

Винокуров Е. С.

Мальчик и САЛЮвей. Столкнулись старые враги и новые друзья /
Е. С. Винокуров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934015-3

Новая жизнь. Враг готовит ответный удар. ТАКОЕ тело — впервые за 70 000 воплощений. Придумать план и превентивно атаковать — если сможешь.

Проблема: материал для ученика — не глина и даже не гуано, это — пыль.

Как придать боевую форму пыли? Что задумали враги? Где взять прото-кол?

Как окончательно победить бессмертное существо?

ISBN 978-5-44-934015-3

© Винокуров Е. С.
© Издательские решения

Содержание

Понедельник. Ночь	6
Понедельник. Утро	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мальчик и САЛОвей

Столкнулись старые враги и новые друзья

Егор Сергеевич Винокуров

© Егор Сергеевич Винокуров, 2018

ISBN 978-5-4493-4015-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Детская страшилка:

– *Кто самый страшный?*

– *Мертвецы...*

– *Кто ещё?*

– *Привидения...*

– *А что будет, если привидение вселится в мертвеца?*

– *Человек...*

Так вот, получится НЕ человек.

И это – не самое страшное.

Понедельник. Ночь

Молнии полыхают от горизонта до горизонта каждые пять секунд. Гром ревёт, изредка сбавляя накал перед особо мощными взрывами. Ночь рвётся на куски – и вновь сшивается извечными силами тьмы. Что ей молнии?

Весенний ливень льёт Всемирным Потопом. Лужи растекаются морями. Высоковольтные вышки высвечиваются огненными скелетами – и пропадают во мрак. На вершине опоры вспыхивает голубое пятно цвета молнии. Плавают изоляторы. Искры лавиной летят навстречу отражению в лужах.

Высоковольтный провод, подобно колоссу, ниспадает туда же. Оголённый конец впивается в воду. Вверх бьёт вулкан – искры и пар. Вниз мчит поток электронов. В это же мгновение и в это же место шарашит молния толщиной в руку.

Почему молния бьёт в землю, когда вокруг полно высоких мест?

Прянули члены. Судорога взвихрила хребет. Затрещали, всасывая чуждую мощь, хрящи. Остатки мышц послушно слились в новые группы. Маленькие голубоватые разряды латали тело в единое и почти целое.

Корчи взрыхлили грунт. Нечто ползло навстречу стихиям. Вязкий глинистый субстрат оплетал, связывал, мешал. Но что тому, кто выпил молнию, какая-то почва?

Громы аплодировали очередному рождению.

Комья грязи летели во всех измерениях. Потоки воды сбивали их на лету.

Концерт окончен, овация не нужна. Взрывы в облаках реже. Гроза уходит.

Грядёт он.

Уши снова ловят шум. Глаза опять видят.

Жажда мести, неутолённая десятки тысяч лет, силовой волной стегает новое тело.

Шаг. Ещё. Трудно брести. Грязи почти по брюхо. Лапы вытягивать сложно...

Что!? Брюхо? Лапы?

«ННННН!»

Эмоция, подобная визгу проклятой циркулярной пилы, которой сообщили, что жертвы закончились, сверхзвуковой волной метнулась вдаль. Трагедия заглушает всё вокруг кроме личной боли. Но если прислушаться...

Пять вспышек протеста плюс промежуток леденящей душу тишины нарушили покой города. Ненависть и месть толкали под ливень отнюдь не грибы. Ночь принимает, и не такое за миллиарды лет видела.

Стекло в окне детской комнаты затряслось от грома. Мальчик двенадцати лет сел. Кровать скрипнула, как на кошку наступили. Одеяло отлетело в сторону. Руки спросонок елозили по кровати. Пальцы чувствовали холод там, где должно быть тепло.

Свист... Нет. Это раньше Друг в кровать на свист прыгал. Тёплый, добрый, мягкий... живой... Теперь скакать некому. Умом ясно: старость, пёс прожил почти дюжину лет. Но несправедливо! И горько...

Мальчик лёг на правый бок, спиной к окну. Руки охватили колени. Тело тряслось от беззвучного плача и прохлады – окно открыто. Раньше он мечтал вырасти закалённым и сильным, как Суворов. И всех победить. Но смысл...

Глаза смотрели на фотографию справа от двери – единственную с Другом.

«Умоляю, любой, кто слышит и может помочь... Прошу, верните мне Друга – что угодно отдам, маму всю жизнь слушать буду... Я готов на всё...»

Дождь. Капли по стеклу – и по лицу.

Комната на шестнадцатом этаже. Голые стены, светлый потолок. Чёрное пятно люстры. За окном без занавесок пыхают молнии.

«Раскат... Теперь точно не заснуть. Если бы тихо, то покемарил бы... Вряд ли. Не гром – так петарда. Не петарда – так салют. Не салют – гудок, крик, лай... Вот и не спишь который месяц. Разве урывками, от случая к случаю».

Ортопедический матрас без усилий сносил движения хрупкого тела.

«В молодости как дашь хропака... Придавишь койку, наспишь мозоль... Но разве я сонценил? Нет, не спал, учился. Если бы кутил! И что? Результат – без сна и смысла. Может, не сплю, чтобы невзначай, не решить не проснуться?»

Матрас снова без труда перенёс смещение хозяина.

«Снов не хватает. Как хочу опять увидеть! Бесплатно бы работал – за сны...»

Существо сидело под елью высотой в два этажа. Колючки давали условную защиту от ливня: разбивали потоки на мелкие капли. Светильники над дорогами освещали новое тело.

Тело собаки. Тьфу. Даже не собаки – собачки.

Осмотрим то, что видно – а собаке заглянуть туда, куда человек не дотянется – плёвое дело.

Степень свежести – далеко не первая. Способности – бегать трусцой максимум. Энергоёмкость никакая, энергопроводность – как у косточки. Заряда молнии хватит на неделю. Хочу подпитку. Лучшие – подпитище. Благо, у собак полно зубов, и кровь добыть – раз плюнуть.

Что даст мощный заряд? Например, кровь призвавшего.

И где он живёт?

О, собачий нос ещё на что-то способен. Туда.

Существо скреблось когтями о подоконник из жести. Передние лапы зацепились за решётку. Створка приоткрыта – для свежего воздуха – и незваного гостя. Голова просунута сквозь прутья. Уличный светильник дал осмотреть жилище жертвы. В дальней стене дверь. Слева – стол у окна и шкаф с книгами у дальней стены. В правом дальнем углу закрытый шкаф, под окном – кровать, почти вплотную к столу. Над кроватью висит картина с чудищами.

Шаг. Ещё.

В постели жертва, спиной к окну. Спит – и не знает, что...

Сквозь окно – жёлтый свет фонаря помогает увидеть стул со спинкой. Пол скользкий, из гладкого дерева. Когти разъезжаются. И как эта собака при жизни здесь ходила? Ползком. Не иначе.

Существо передними лапами опёрлось о стул, задними скреблось по паркету. Стул скрипел, то застревал, то двигался. Существо ругалось шёпотом – слов не разобрать, но интонация однозначная.

Наконец спинка стула вклинена под дверной ручкой, ножки стула – в пол. За дело!

Стать на задние лапы. На коготки. Кто там у нас? Мальчик, даже во сне понурый и сутулый. Тёмные волосы, бледная кожа. Синяки под глазами. Ещё лет пять – и мощи с него бы в сто раз больше. Но сила нужна сейчас. Цель оправдывает средства.

Передние лапы на пол, тело сгруппировать – прыг.

Кровать скрипнула – добыча ворочается. О! Ням!

Ножка высунулась из-под тёплого, мягкого одеяла. Для глаз этого тела мишень похожа на тёмное пятно с отростками, но воспоминания добавляют то, что должно быть. Ветерок качнул штору. Пальчики сжались – прохладно, вот-вот исчезнут. Ищи потом в горах белья... Вперёд!

Светлая грусть сна – как торжественный реквием: тягостная, щемящая печаль струилась сквозь мальчика.

Шквал багровой черноты смёл светлый сон. Друг под звуки «Du, du hast, du hast mich» оседлал хозяйскую ногу, нарушив сторожайший запрет. И рывок, рывок, рывок...

Резкий выдох. Мальчик сел на кровати. На потолке тени сплелись в знакомый узор. Фух, сон. Но почему нога дёргается? Так делал Друг...

Неужели?

Да?!?!?

Мольбы исполнены?

Нога действительно дёргается, тёмные очертания на Друга похожи...

Надежда захлестнула, как цунами 2012. Мольбы звучали не зря! Он вернулся! Девятый вал радости сбил дыхание, на глаза навернулись слёзы... Что ж, по случаю встречи простим Другу дурное поведение. Вот счастье-то!

Но что за сосущий звук?..

Чёрный червяк сомнения устоял перед бурей чувств. Циничная личинка повторяла: «Возвращаются *откуда-то*».

Объятия распахнуты, мальчик предвкушал ощутить тепло товарища.

Под пальцами нечто мокрое. И ледяное. И с комками земли.

Внезапное озарение вспышкой сверхновой стёрло надежду и осветило комнату – и того, кто присосался к ноге в тщетных, но отчаянных попытках добиться своего.

Если ты сам вырыл могилу, которая приняла однозначно мёртвого пса, то как ожидать обратно живого? И зачем молиться, выпрашивая возвращение Друга? Нет, чтобы подумать – кто вернётся?

Теперь, раз обещал, слушаться маму всю жизнь!.. В обмен на тварь...

Но, для начала, УНИЧТОЖИТЬ ЭТО!

Визг всколыхнул шторы.

Литр адреналина выгнул тело дугой. Руки нашарили ночник справа. Кнопка щёлкнула, светильник в форме грибочка на круглой ножке озарил комнату. Свет, обычно тёплый, кроваво высветил нечто. Оно впилося в ногу!

Непотребные движения и звуки усилились. Следы разложения стёрли сходство с Другом окончательно. Это просто... Упырь!

От света тварь вздыбила остатки шерсти, рывок – и мальчик шлёпнулся на пол. Несмотря на маленькие размеры, выродок из могилы очень силён. То ли на полу приятнее есть, то ли в могилу добычу тащит...

Пятая точка заявила протест, но тихо – сейчас не до неё. Когти твари тщетно скользили по паркету, звук похож на цокот когтей Друга... Не время! Пока чудище замешкалось – атакуем!

Мальчик перехватил ночник. Рывок – осветительный инструмент стал ударным. Свет пропал, зато теперь мы – не обезьяны, мы используем орудия!

Ой! Больно! Себе зарядил! Ещё! Ещё!!!

Мальчик крушил все подряд. Возможно, досталось и врагу – нога освободилась.

За дверью сонные голоса вопрошали «кто кричал». Идея помощи извне напрочь прогнала страх: ты не один на один со страшной тварью из могилы. За дверью – мама!

Я молодец – подпёр дверь стулом. Эх, такой план провалился: молодая, почти сильная кровь. Заметка на будущее: проверять у нового тела зубы. Сейчас актуальна задача: как хлебнуть крови беззубому?

– Сдохни, упырь! – Боевой клич вслед активным беспорядочным махам ночником. Голоса за дверью определились, где кричат. Осталось выбить дверь.

УПЫРЬ. Неужели?..

Мальчик набрал воздух для нового боевого визга, как вдруг осёкся, а крик превратился в судорожный выдох. В центре головы маячили образы. Мальчик сморгнул, потряс головой. Образы чётче – чем-то похоже на сон наяву.

Под удары в дверь и адреналиновую тряску мальчик думал. Мама на подходе. Тварь затаилась. Тварь? Она? Ну, раз упыри из могил выбрались, то телепатия – вообще норма жизни, её даже по телевизору показывают.

Образы проявились. В них повторялись мальчик (он?), собака (Друг? упырь?), взрослые (родители?) и ощущение потери.

«О чём тварь? Да, я потерял Друга... Но тут о будущем... Как связаны будущее, собака и потеря?»

Хрясь. Стул сломался. Ножки процарапали паркет.

Мальчик похолодел. «Если родители найдут у меня в комнате труп Друга, то фиг мне будет, а не новая собака, компьютер, карманные деньги и прочие радости».

– Ой...

Дверь слетела с петель.

Разъярённая мама отбросила тень в разгромленную детскую. Руки согнуты, пальцы сведены, колени пружинят – боевая стойка спецназа. Свет из коридора залил то, где в нём нуждались – но уже передумали.

По центру комнаты сидел сын. Левая нога вытянута, правая – поджата. В правой руке – разбитый вдребезги ночник. Левая опирается о пол. На полу валяются ошметки абажура, стекла, щепки от выбитой двери. Бельё на кровати скрутилось в огромный ком.

Мальчик впопыхах сочинял, почему в комнате разгром и вопли среди ночи.

– Что такое!?! – Ярость мамы, не найдя врагов, потрошащих сына, сменила цель. Мама вышла из стойки спецназа и приняла стойку злобной матери: руки в боки, ноги на ширине плеч.

– Э-э-э...

– Что значит «э»? – Жаль, что маме не досталось врагов.

– Дорогая, он в шоке... – Папа робко высунулся из-за двери – а вдруг злодеи ещё там? – и попытался сгладить скандал.

– Если он в шоке, то где я? Помолчи. – И снова поворот к сыну. – Так что?

Мамины кудри в свете из коридора двигались, как змеи на Горгоне. Полупрозрачная ночная рубашка добавляла объём и без того мускулистому телу.

Папа дал нужную секунду, ум мальчика состряпал нечто:

– Э... Мне приснился кошмар, как будто напало чудище, и я спросонок бил его...

Адреналин мамы спадал вслед за адреналином сына. Наблюдатель в тени шифоньера заметил признаки: лёгкую дрожь и особый запах.

Как быть? Древняя клятва... Нарушать сразу – дурной тон...

– Кошмар, да? – Руки скрещены под грудью, пальцы правой барабанили по левому плечу. – Убрать бардак. Завтра – к психокорректору. Твоя собака тебя с ума свела.

Мама развернулась, халат хлопнул, как кнут.

– И убрал чтоб! – Донеслось, как контрольный выстрел.

– Да, хлама у тебя. – Папа помог встать и неловко пригладил волосы сына, вздыбленные схваткой.

– Помочь?

– Не, справлюсь. Извини.

– Бывает. Прорвёмся. – Улыбка одними губами – и папа убежал.

Вдруг внимание мамы отвлечёт. Игр на компе не лишат...

Ночник – на место, дверь прислонить к косяку. С чего начать уборку?..

«Помощь, союз. Победа. Торжество»

В уме вспыхнули чужие картинки. Мальчик огляделся – на шкафу, в тени, блестели глаза.

– Это ты со мной говоришь? – Странно мирно общаться с зомби, которого ты сбил торшером, чтобы не оказаться едой в могиле.

«Согласие. Образ собачки, образ мальчика. Чувство объединения и победы».

– Ты кто?

«Образ сильного, яркого, быстрого».

– Я не понимаю. Что ты хочешь?

Образы в уме сверкнули так ярко, что мальчик шлёпнулся на кровать. Картинки замелькали, как 3д-кино с эмоциями.

Лес. Поля. Горы. Туман. Зной. Дождь. И всюду клубится жажда мести. Враги нападают, они черные, коварные, уродливые, зубастые – хуже Чужих. Враги жгут, убивают, рушат. Он, яркий и праведный, несёт защиту, истину, убежище.

Они атакуют – он отступает. Он отбивает атаки, гонит их, уничтожает – а они за старое. Вечная борьба ради всеобщего счастья.

Враги воспряли. Желание остановить любой ценой. Нужна помощь. Кровь.

– Поэтому ты в ногу вцепился? Я прям надежда и опора для зомби. Ну а почему перестал?

«Мальчик стоит на вершине горы. На лбу – светящийся зигзаг. Рядом собака. Прут ряды врагов. Собака кивает. Мальчик поднимает ладонь. С пальцев срывается огненный шар, следом – поток смерти, как хвост кометы. Шар врежется в стену зла. Вспышка – и пламенеющие щупальца рвут врагов одного за другим. Мальчик вздымает руки – и молнии хлещут полчища злодеев. Мальчик взывает, и с неба снисходит дракон размером с поезд.»

– Я взрываю врагов? Драконы? Молнии? Файерболы? Ты научишь меня магии? Да! Хочу! Давай!

Договор заключён. Хоть мальчик и не понимает. Как он мог распознать суть, если настолько неосведомлён? Фрагменты знания, наверное.

Давненько я без учеников. И без речи сложно... Но, глядишь, мальчик поможет. А выполню договор – тогда и восстановим справедливость...

Проблема: как выучить язык? Если здесь прятаться, то изучение займёт годы. Если на улицы выйти – то Враг выследит, у них всюду шпионы, как обычно. Хорошо, что здесь говорят на потомке родного языка, заметны знакомые корни и обороты даже в речи мальчика.

Мальчик порхал бабочкой, руки сами распахивали хлам по углам, а ум рисовал волшебные палочки, метла, единорогов и прочие атрибуты магии. Пёс-зомби гнезвился на шкафу. Занимающийся день вытеснял светом тревогу и освещал гостя.

Ну зомби, с первого взгляда ясно. Как дохлятину за Друга принял?.. Шерсти местами нет. Правое ухо сгнило на две трети. Хвост лысый. Труп – трупом.

Следы схватки замаскированы. Дверь чуток перекосилась, но висела. Ночник под кроватью – на подоконник его.

Окно приоткрыто. За ним – мокрый асфальт, шум машин и запах сирени.

«Упырь хотел крови – но для борьбы со Злом. И передумал. Хочу учиться магии! Когда уроки начнутся?»

Чёрт. Скоро. Начнутся, да не те.

Понедельник. Утро

Берег озера. Чахлый камыш, еле выживающий в городском смоге, шевелил листьями под струями дождя. Бетонная труба диаметром в два обхвата зарыта в мокрый песок, наружу выступает серое жерло. Дождевой поток лился из трубы ручьём. Вода тащила веточку. Хворостинка кувыркалась по изгибам турбулентностей потока. Вода несла листик, как гордый кораблик – прямо в безбрежный океан.

Вода несла кусок кожи с редкими волосками. Проплыл ещё один, лысый и со струпьями.

Поток воды превратился в тоненькую полоску бурой жижи с запахом клоаки. Через минуту поток набрал силу – за счёт грязи. Он не столько тёк, сколько переваливался волнами, как амёба ложноножками.

Воду запрудила туша – брякнулась на пузо посреди трубы. По сути, туша купалась – комья земли и ошмётки отгнившей плоти стремительно загрязняли и без того не слишком чистый водоём.

– Слыш, ты. Дай другим помыться.

– Точно, скоро вода сойдёт, нам не хватит.

Туша перевернулась на спину. Водопадики передали эстафетой порцию зловония и тлена. Из-под грязи проглянула окраска – там, где её не выжрали черви: чёрное тело с рыжим брюхом. Остроносая морда ответила:

– В твоём теле вода не страшна, нырни в озеро.

Ответ адресовался собеседнику, который пару месяцев назад выглядел бы как черепашка. Сейчас – почти голый панцирь и череп, а хвост – кусок хребта.

– Ты не путай черепаху водную и сухопутную. Я – сухопутная. Свали в сторону, дай смыть грязь.

Остромордый рыкнул, поднялся на лапы. Плотину прорвало – поток хлынул на свободу, вода очистилась – ненадолго. Теперь в ней плескался черепашка. Поток воды сносил тельце. Животное цеплялось за бетон когтями, водило головой из стороны в сторону – подставляло под струи воды.

Бывшая плотина оказалась телом поджарой собаки. Псина отряхнулась. Кусок кожи, отгнивший от мяса на боку, хлопнул о левые рёбра. Из-под него вылилось пол ведра воды вместе с горстью трупных червей. Обрубок чёрного хвоста гордо торчал к небу. Острые уши – если бы остались – торчали бы туда же. Нос принюхивался:

– И Миха здесь. Ну и громадное у тебя тело.

Да, размеры впечатляли – по пояс взрослому мужчине. Впечатление портилось отчётливой круглой дыркой в черепе – будто собаку застрелили и закопали. Причём недавно – рыже-белая шерсть даже вылезать не начала.

– Отлично, – Подытожил доberman-недавно-сдох. – Почти вся команда в сборе. Не хватает...

Ещё одно существо сохло на бетонной трубе. Длинные уши и короткий хвостик, мягкие лапки и нежно-серый цвет выдавали кролика. Бывшего кролика. Зверёк заметил:

– Миха, у тебя в пасти шевельнулось что-то мерзкое...

Пасть сенбернара-в-прошлом приоткрылась на палец.

– Фу, у тебя во рту дохлая мышь!!

– Фу!!

Вопли отвращения перекрыла леденящая душу тишина:

– Я ВАМ ДАМ МЫШЬ! Вы что, на СУТЬ не смотрите?

Брызжащая слизью пиранья топорщила остатки чешуи. Если бы не зубы, то существо действительно похоже на плод наркотического скрещивания тушканчика, селёдки и полевой мыши недельной давности.

– *Беспрецедентно! Вы разучились ВИДЕТЬ, пока без тел сидели? А ну возьмите себя в... лапы!* – Бушевал обладатель сверх-зубастой пасти.

Выбросы леденящей тишины усиливались эхом из бетонной трубы.

– Махцапра... Ты это... Извини... Вырвалось... – Кролик съёжился, и походил размерами на дохлую крысу.

Черепашка втянул череп-голову в панцирь. Попытался и лапы – но они распухли от обилия бактерий и забавно торчали стороны, дрожа кончиками коготков.

Сенбернар покаянно накрыл голову лапами.

Доберман-только-из-могилки ёрзал, смущался, но хорохорился:

– Ты чьё тело взял?

– *Акула! Гроза морей и океанов!*

– Вернее, малёк акулы... – Пытался перетянуть одеяло на себя в-прошлом-бойцовский-пёс.

Хохму перебил истерический удар тишины, подобный бешенству учительницы, обнаружившей одновременно и поголовное списывание, и свою полную беспомощность:

– *Кто сказал?????*

– Ну, я. – Задняя лапа добермана, скрытая от глаз пираньи, тряслась в нервном тике. – И что ты сделаешь? Укусишь? Заколдуешь?

Молчание. Затем почти спокойно:

– *Не забывайте, я знаю о враге больше вас.*

Доберман склонил голову.

– Согласен, Маха. Но ты, правда, смешно выглядишь.

Дальнейший осмотр дал ещё больше повода для смеха – если вы наблюдатель со стороны. Команда потрясённо молчала. Миха, крупный бело-рыжий сенбернар с дыркой в голове. Кром – поджарый длинномордый наполовину освежёванный доберман. Фрея – кролик с непомерно раздутым... Ну, тем, чем кролики славятся. Тело черепахи занимал самый нелюдимый член команды. Он откликнулся на кличку Безымянный. Ну и, само собой, гроза морей и океанов.

Самое печальное: на всех – двадцать зубов. Да и те в одном рту. Который вещал:

– *Что за чёрт! Почему не тела воинов? Царей? Людей, в конце концов?*

– *А где курганы, могильники, оружие и ценности для новой жизни?*

– *Как прикажете мстить?*

– Не знаю, Маха. Видимо, сбой. – Фрея ощупывала новое тело с возрастающим интересом.

– *Надеюсь, врагу досталось наравне с нами.* – Главарь клацнул зубами, сверкнули глаза. – *Продумаем План. Как победить Врага? Не то, что в прошлый раз, а наверняка?*

Спустя полчаса Легион разбежался, расскакался, расползся и расплавился в разные стороны. Перед постройкой планов неплохо оценить, где вести боевые действия.

Прогулка каждый день. А что делать? Без неё – отсутствие прогулки изо дня в день. Никакой разницы. Унылые ступени подъезда ложились под ноги, как и год назад, и двадцать лет назад, и полсотни лет. Звуки шагов разносились по лестничным площадкам вверх и вниз.

Он принципиально не пользовался лифтом. Да, смотреть на некоторые пошарпанные двери под полусдёртым дермантином неприятно. Да, смердит от мусоропровода. Да, под ногами звенят банки от энергетиков, позвякивают осколки от водки, прокатываются окурки

косяков, шуршит шелуха. Да, тучи навозных мух-бомбовозов роятся на подтёках из мусоропровода. Из перил торчат гвозди.

За окном лестничной клетки озеро. За озером – бывшая промзона, а теперь торговые и развлекательные центры в ассортименте.

Он не помнил себя маленьким. Детские воспоминания выпали – профессионал не лазит по закоулкам сознания, а строго дисциплинирует ум. Никаких действий, не разрешённых владельцем ума. Никаких произвольных образов. Образами думают идиоты и недоумки. Удел профессионала – чёткие, холодные слова. Подъём. Гигиена. Прогулка. Еда. Работа. Попытка заснуть.

Жаль, что холодные образы бессильны. Говорят, мысль материальна. Враки – без силы мысль не воплотить. Но силы нет. А была бы – зачем?

Мечты мечтами, а школу никто не отменял. Комната убрана. Школьная форма надета – синие брюки, белая рубашка, синий пиджак. На кухню бы зайти, в глаза родителям посмотреть. Вдруг сочувствие мелькнёт?

От недосыпа в глазах будто скрипит песок. Голова не хочет думать, а стоит – вместо родителей мальчик нашёл на столе записку:

«После уроков останься в школе, я зайду. Мать».

Чего она? Добром мамины идеи не кончаются. То кружок по жестокому карате – мама служила в армии вместе с тренером. Итог – подбитые глаза и больные рёбра после контакта о синий мат. После инцидента любой хлопок – дверью ли, ладонью – напоминал мальчику звук падения в спортзале, отдавался болью в рёбрах.

Экстремальное плавание – тренер учил маму в спецназе. Результат – дышал водой на фоне бледно-голубого кафеля. Потом родители месяц уговаривали в ванну залезть, хоть воды по щиколотку.

Мамины идеи выходили боком, а папины – арфа, пианино, балет – зарубались кое-кем на корню.

Робкие попытки намекнуть, что чёрная мебель и красные обои на кухне – не лучшая идея, опровергнуты обоими родителями. И папа, и мама попали под влияние «дизайнера». В результате мальчик жил в квартире вместе с самой странной кухней в городе. Тёмно красные стены. Зелёные шторы. Чёрная кухонная мебель, чёрная столешница под гранит.

Календарь на правой стене разбивал общее вампирское настроение. На нём – фотография церкви с подписью «Лавра». Мальчик недоумевал: странное название – как лавровый лист...

Мальчик скомкал записку – скатерть очищена. Красно-розовую абстракцию мальчик рассматривал с детства, когда нудно и часами сидел над супом, который обязательно съесть.

Скрипнула чёрная дверца под раковиной, в мусорку отправилась мятая бумага. О, удача: голубой мусорный пакет пуст и свеж. Мальчик, когда мусор выносить, ощущал иглы позора – а вдруг увидит кто и посмеётся?

Но сегодня – мусора нет, и мальчик один дома. Что мама оставила?

Забежал «пёсик». Когти цокали по тёмно-коричневой плитке кухни. Он осмотрел интерьер. От избытка чувств брови взлетели почти до ушей. Но без комментариев.

На стол под окном – разумеется, чёрный – отправилась тарелка с кашей и куриная нога. Предполагалось, что мальчик разогреет. Он считал: есть холодное – как обливаться холодной водой, только не снаружи, а внутрь.

– Кстати, как тебя кормить?

Мелькают образы, а в них общее: «Кровь».

– А колбаса, хлеб? – Поверх тетрадей в рюкзак улёгся здоровенный бутерброд. Пора приниматься за еду, а то в школу опоздаешь.

«Несогласие. Живая собачка – эмоция удовольствия. Скелет собачки – нет чувств»

– А, типа мёртвым бесполезна живая еда. А что в крови? – Мальчик с аппетитом уплетал рассыпающуюся холодную гречку.

«Сила».

– Я сотни раз лизал свою кровь. Никакой силы. – Мальчик обгрыз куриную лапу. – Сила в мясе.

«Мальчик живой прыгает от мяса. Скелет мальчика прыгает от крови».

– Что в крови? Мистическая тайная энергия? Меня научишь? Буду черпать силы из крови врагов! – Мальчик впился в кость и высасывал костный мозг, как кровь из беспомощного врага.

Зомби-пёс сидел на чёрном подоконнике под зелёной занавеской. Одно ухо – в окно, другое – на мальчика. Мальчик всхлипнул – взгрустнулось, так Друг сидел... Когда мама уходила, естественно.

– Как мне к тебе обращаться? Какое имя? Или на Вы? Или ритуалы соблюдать? На одной тренировке по боевым искусствам кланялись и говорили «Сенсею рэй!»

«Образ собаки. Вокруг – разные предметы, как будто она выбирает».

– А, ты имя ещё не выбрал. Я тоже хочу своё сменить. Так что про магию?

Мальчику не с кем поговорить. У него в уме бардак. Как он распознал сущность?.. Эх, если бы не это... Да если бы мне зубы... Я бы точно сейчас не думал, как ответить. Но клятва – это клятва. Пока играем по правилам.

За окном – повозки без лошадей. В окне – преграда прозрачная. Материал рамы неизвестен. Занавески – непонятной конструкции, из полосочек. Люди одеты странно. Да, мир изменился. Ни сари, ни саронгов, ни луков, ни стрел.

Не беда. Люди те же – значит, будет, как было, только лучше.

Вещи – перепаковать. Учитель просился в школу – мол, срочно учить язык. Пёс – на дно. Сверху – учебники и тетради. Сверху – бутерброд. В путь.

Тяжеленный рюкзак тянет вниз, как самосвал на привязи. Завтрак внутри, дом позади, шесть часов мучений впереди. Хоть физры нет.

До школы – полчаса, если пешком. Если подъехать – десять минут.

Вообще, правильно ходить вдоль дороги. Переходить по пешеходному переходу. Скучно, некрасиво, однообразно – и в толпе. Каждое утро на метро мчатся тысячи людей. Поток из тел скручивается – кто-то обгоняет, кто-то закуривает и создаёт пробку. Как назло, транспорт выгружал пассажиров, когда мальчик подходил к остановке.

Нет, куда приятнее дорога мимо озера. Мама не одобряла – нехорошо гулять там, где некого позвать на помощь. Но за годы на природе – никто и ни разу. А вот на людях...

Идём мимо пожарной части. Иногда у входа пожарные – накачанные дядьки – красуются в одних трусах перед девушками. Сейчас ни людей, ни суеты.

После пожарной части – переходим улочку и трамвайную колею.

Дальше – место, где мальчик похоронил Друга – прямо под опорой высоковольтного столба, рядом с десятком похожих могил. Последние две недели мальчик обязательно проходил мимо могилки и грустил. Часто вырывал сорняки, подправлял камни оградки. Иногда приносил цветы, иногда – конфетку. К обеду, возвращаясь из школы, мальчик никогда не находил конфетки – и надеялся, что Друг принимал подношение.

Сегодня памятное место выглядело жутко – помесь грязи, болота, неопрятных комьев травы и глины, будто бушевали пьяные кроты. Но землю изрыли колёса грузовиков тёмно-зелёного цвета с белой надписью «ГорЭнерго». Суетятся люди – бегают, вязнут в грязи, ругаются. На двух вышках электрики машут руками, орут.

– Чего они? Ага, провод натягивают после обрыва.

Рюкзак зашебуршился, раздалось что-то похожее на «ити».

– Пора идти? Ты учишься говорить! А я думал, как мы магию выучим. Кстати, могилку Друга затоптали. Восстановлю потом – и крестик, и веночек...

– Ити! – Голос из сумки громче и похож на наждачку.

– Иду, иду.

Мальчик шёл вдоль берега по тропке среди двухметровых камышей. Их метёлки мельтешили на ветру, светло-бежевые листья звонко шуршали. Воды озера не видно, закрывала стена из стеблей. Тропинка повернула вверх по насыпи. Открылось озеро. Солнце показалось из-за верхушек деревьев. На воду ложились тёмные тени. Тихий ветер гнал небольшую рябь. Волны не давали отражаться голубому небу и белым облакам.

Тропинка дальше – вдоль озера. Нам – поворот к дороге. Школа – напротив. Опасно: перебегаем дорогу в неполюженном месте. Помогает светофор вдаль – движение остановилось, самое время промчаться к газону посреди трассы. Аккуратно ступаем, чтобы грязь не липла – и бегом через вторую часть дороги, пока машины разгоняются.

Родная школа.

Зелёный сетчатый забор, калитка, десять метров серой бетонной плитки и ступени входа. Над входом – надпись «Добро пожаловать», к которой в конце кто-то криво чёрным баллончиком пририсовал «ся».

Эх, шестичасовая каторга – обратно, опять и снова. Мальчик мечтал – в мечтах легче. Вот он узнаёт секреты магии. Приходит в школу. Нет, лучше прилетает. На коленях весь класс, хором извиняются. Нет, лучше все параллельные классы. Нет! Лучше и старшеклассники, которые проходу не дают! Он, такой мужественный...

– Эй, упырь!

Ох, забыл! Запомнил, что в школу приходят украдкой!

– Ты чё, а ну стой!

Мальчик смирился с разбоем и не чувствовал, как извивается рюкзак.

Не может быть! И эти распознали суть? Сквозь рюкзак! Теперь мне ещё и их учить? По сравнению с тропцей мальчик – просто чудо и образец ученика магии. Низкие лбы. Глазёнки навывкате. Что-то жуют. Руки в карманах, таз вперёд – со стороны кажется, что им в зады упёрлось по ноге. Да, ухудшилась людская порода.

Главарь – длинный нос, подростковая «щетина» и разбитая губа – выперся вперёд:

– Давай завтрак.

– У меня нету сегодня... Мама...

– Гы-гы, – Заржал второй лоб, пошире в плечах, стрижка под отросший нолик и с руками в карманах, – Маменькин сынок!

Мальчик попятился:

– Да нету у меня...

– А если найду? – Главарь нависал.

Мальчик заметил в ноздре то, что хотел развидеть.

– Открывай торбу, мля.

– Не надо... – Мальчик не знал, что делать. Как и всегда, впрочем. Но сегодня-то, под бутербродами, внутри...

– Чё, зассал? Брехло!

– Не вру! – Спина упёрлась в третьего, пузатого молчуна, который гаденько улыбался и перекрыл путь к отступлению

В тёмных окнах школы замелькали светлые детские лица над белыми воротничками – со стороны смотреть интереснее.

Рывок – и рюкзак в руках крупного. Мальчик кинулся – рюкзак летит к главарю. Игра в собачку древнее любой другой игры.

– Ого, тяжёлый... Куча жрачки, да?

Щелчок застёжки, слабое «Нет» мальчика. Рука по локоть в утробе торбы.

– Фу! ЧТО! ЗА! ГАДОСТЬ!

Неприятно тыкнуть стеклянные глаза дохлой собаки вместо бутерброда.

Рюкзак брякнулся на пол. Главарь отшатнулся и с отвращением махал рукой. Подручные чесали в затылках. Мальчик тихо пояснил:

– Моя собака. Она умерла.

Толстый скривил губы, обнажив гнилой зуб.

– И ты её с собой таскаешь? Псих.

– Извращенец. – Второй тоже попятился.

Пацаны обошли мальчика, как ядовитый капкан под высоким напряжением.

– Идём от психа. Ну его. Долбанутый. Дибил. – Троица ускакала прогуливать за школу, а мальчик – за рюкзак и в класс.

Зрители в окнах попрятались, первый акт окончен.

День прошёл сносно. К доске не вызывали, перед классом не позорили. Рюкзак, правда, иногда шебуршился да порывивал. Соседи оглядывались в поисках звука, а мальчик вздрагивал. Но, вроде, не раскусили.

Затишье перед бурей закончилось вместе с последним уроком.

– Рукослав! Рукосла-а-а-ав! – Мамин командный голос перекрыл и звонок, и шум идущих домой школьников, и рёв машин автострады, и сумрачные мысли мальчика.

– Гррр... Рукослав? – Рюкзак подрагивал, как будто там кто-то тихо ржал. Мальчик подумал, что пёс как-то быстровато язык учит.

– Вот и хочу сменить. – Мальчика древнее славянское имя не радовало.

Эмоция и смеха, и сочувствия.

Мальчик вздохнул и потрусил вниз. Тело привычно уворачивалось от встречного потока учеников. Чем скорее выйдешь, тем меньше мама будет позорить.

Высокая, широким плечам позавидует иной физрук. Стоит на школьном дворе, как на армейском плацу, на расстоянии пары шагов от калитки. На улице жарко – она выбрала тень дерева слева. Мамина одежда похожа на военную форму. Генеральскую – маме прочили высокие звания, но что-то не сложилось.

Квадратная челюсть пошла вниз, могучие лёгкие набрали воздух для крика, могущего заглушить вертолёт:

– Ру...

– Я здесь, ма.

Какой запал даром пропал! Мама сурово сдвинула густые брови, но не отчитала, а уведомила:

– Едем к психокорректору.

– Куда? – Мальчик понизил голос, надеясь, что мама тоже станет говорить тише.

– На психо-коррекцию! – Рывкнула мама, не учитывая последствия вести. На них оглядывались, и мальчик покорно двинул к выходу – зачем ещё больше огласки?

Дорога мелькнула быстро, мама пресекла попытку оспорить визит, и мальчик уныло думал думу. Раньше он хоть Другу мог пожаловаться. А теперь – сиди и тоскуй. Не плакаться же Учителю – ещё откажет магии учить...

А «Учитель» честно учил речь. Сложно собачье горло заставить говорить людские звуки. Но ещё сложнее разобраться в языке. Сейчас говорили на потомке древней речи. Приходилось

сочетать то, что знал, с тем, что слышал. Благо, улавливались и сходные слова, и похожие интонации.

Взять, опять же, «упырь», древнее слово, которым обозначали таких, как он. Но сейчас в это слово вкладывают нечто иное. Не распознал отличия – вот и согласился с клятвой, не отменишь. Хорошо хоть, во второй раз не дал.

Куда мальчика везут... Вроде говорил, что после уроков – домой. Проверяли бы новые познания в языках. Ага, похоже, приехали. Ну-ка, -ну-ка.

Офисное здание – стекло и металл – возвышалось на двадцать пять этажей, как нос суперлайнера – одна из сторон выступала вперёд и, казалось, нависала над дорогой. Строгий вахтёр сурово махнул на лифт. Тринадцатый этаж. От лифта повернуть направо – и в самый конец коридора, вдоль однотипных дверей. Вход в офис 1366 – по левую руку, прямо перед огромным фикусом в деревянной бочке. Мальчик, пока шёл, смотрел на таблички на дверях: «ООО Пирамида», «ЗАО Андромеда», «ЮКПРНП: Юридическая компания по решению некротоморфных проблем».

Фикус у окна, которое заменяло стену, так разросся, что перистые листья заслоняли вход в нужную дверь. Мама отклонила ветку, постучала. Мальчик разглядывал скромную золотистую табличку «Доктор, академик, профессор психокоррекции Петушанский В. В.»

– Мама, я буду хорошим...

Последняя попытка разбилась о крепкое спецназовское сердце: и не такие умоляли, и жалобнее бывало. Дверь открыта, сын с ускорением влетел внутрь. Мама зашла следом.

Голые серые стены окружили, как бетонный забор на стройке. Окно во всю стену отгорожено столом длиной в окно. На столешнице в ладонь толщиной высились башни исполинских книг. За ними, как за забором, восседал обладатель блестящей на солнце лысины.

Мальчик глянул на потолок – нет ли там солнечного зайчика, отразившегося от кумпола, и обомлел – от края до края потолок украшали знаки, фигуры, символы. Школьная геометрия пригодилась – он распознал зелёный шестиугольник и красную пятиконечную звезду внутри него.

Мальчик пялился с открытым ртом на узоры. Из-за стола выскочил тщедушный мужичонка ростом чуть ниже мальчика. Руки – в карманах серого, под цвет стен халата. Обувки не видно – халат ниспадает до пола.

– Здравствуйте! Добрый день!

Мальчик опустил голову в поисках источника звуков. Огромные, увеличенные раз в пять толстенными линзами очков глаза неясного цвета уставились на него снизу вверх. Мальчик отпрянул – если бы не мамина хватка, то удрал бы за дверь.

– Мы по записи... – Начала мама.

– И кто у нас такой хороший?

Мама сморщилась – неприятно командиру, хоть и бывшему, быть прерванным.

– Руко...

– А я не вас спрашиваю. Мальчик же не немой?

Мальчик наблюдал за увеличенными глазами под гигантскими очками. Странно – говорит доктор вроде и мягко, а взгляд... Пригвождающий.

Мальчик смотрел на очки. Ого стёкла – даже солидный нос под ними выглядит небольшим, а рот вообще еле виден. Окуляры увлекли, мальчик не слышал скрежета маминых зубов. Рывок за руку вернул внимание в сейчас.

– Доктор спрашивает тебя. – Голос мамы как лезвие японского меча, которым она под настроение размахивала.

– Рукослав. – При маме, гордящейся именем, он боялся прятаться за Славик.

– Я хочу тебе помочь...

Голос доктора тише, мальчик вслушивался, чтобы услышать окончание. И снова громко, уже маме:

– Подождите за дверью.

Костлявый трясущийся палец указывал на выход, пока за мамой не закрылась дверь. Глаза за толстыми линзами не отрывались от левого уха мальчика. Ребёнок подавлял желание оглянуться – нет ли сзади кого-то.

– Зови меня доктор. Я могу звать тебя Славиком?

Мальчик кивнул, польщённый пониманием ситуации.

– Смотри мне в глаза. – Профессор придвинулся к лицу мальчика. Его голова качалась из стороны в сторону. Линзы очков то отражали свет, пускали зайчика, то проявляли глаза.

– Хочу помочь. Расслабься. Всё хорошо. Доверяй мне. – Голос доктора просил поверить.

А почему нет? Доктор – один за всю жизнь, кто признал имя Славик. Пусть поможет – он понимающий, опытный взрослый.

– Ты нуждаешься в помощи.

Да! Не просто нужда, а космический всезасасывающий вакуум. Школа! Мама! Папа! Друг! Упырь!..

– Делай то, что я говорю, и всё станет отлично. Верь мне.

«Хочу верить! Жажду понимания!..»

– Ложись на кушетку.

«Что-то ноги не держат. Лечь что ли? Доктор помогает. Сделаю ответный шаг».

Кушетка ближе. Рука доктора мягко и властно ведёт к цели. Снять рюкзак, чтобы лечь. Рюкзак дёрнулся, мальчик потерял равновесие, шатнулся. Доктор восстановил контакт глазами, но доли секунды хватило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.